

Институционализация философии: случай Виктора Кузена и наследия Гегеля во Франции

ИВАН КУРИЛОВИЧ

Старший научный сотрудник, Учебно-научный центр феноменологической философии, философский факультет, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ). Адрес: 125047, Москва, Миусская пл., 6. E-mail: ivankurilovich@gmail.com.

Ключевые слова: институционализация; государственное регулирование; агрегасьон по философии; история Франции; философия образования; Виктор Кузен; гегелеведение; гегельянство.

В статье рассматриваются закономерно-сти институционализации философии на материале изменения философского образования во Франции первой половины XIX века Виктором Кузеном и школой эклектизма в рамках образовательной политики доктринеров. Публичные заявления и переписка Кузена, касающаяся того, каким он видит образцовое философское образование, и его обязательства перед действующими в 1830–1840-е годы политическими силами сопоставлены с изменениями социально-политической ситуации, устройством образовательной системы Франции, влиянием иезуитских коллежей и их запрета в XVIII веке, непрерывностью административного и кадрового устройства средней и высшей школ и преобразованиями Наполеона. Наибольшее внимание уделено влиянию институционализации на распространение гегелеведения и гегельянства во Франции и инерции введенной системы воспроизводства канона изучаемых философами Франции произведений и имен. Проанализированы отдельные аспекты

французской системы философского образования, специальным образом развитые Кузеном, изучено, какую роль с XIX по XXI век играет конкурс агрегасьон (агрегация) по философии, показаны преимущества и проблемные стороны институционализированной философии.

Непосредственный вывод статьи состоит в прямом и долговременном воздействии образовательной политики Кузена на развитие гегелеведения и гегельянства во Франции от середины XIX до первой трети XX века, состоявшего во всесторонней приостановке переводческой, исследовательской и преподавательской деятельности, в центре которой было бы наследие немецкого классика. Рассмотренный в статье случай долгосрочностью своих последствий демонстрирует зависимость результатов философской работы от институционального устройства обучения и отбора квалифицированных потребителей и производителей философского знания, что ставит под вопрос ожидания метапозиции философии.

В СТРА ИВАНИЕ философии в институциональные формы было проблемой еще для Платона. «Ни одно из нынешних государственных устройств, — писал классик, — не достойно природы философа. Такая натура при них извращается и меняет свой облик»¹. На сохранение проблемы до настоящего времени, несмотря на все трансформации, указывал и Жак Деррида:

...сегодня как никогда трудно отделить нашу работу в той или иной дисциплине от размышлений о политически-институциональных условиях этой работы².

Любая институционализация по определению есть упорядочение обстоятельств деятельности, а все обстоятельства, как и порядок, являются зависимостями. Первый поверхностный вывод из этого прост: институционализация философии и, шире, рациональности, упорядочение производства и потребления философского знания вместе с отбором, обучением и воспитанием его операторов или агентов³, производителей и квалифицированных потребителей должны были бы пониматься как закрепощение философии, лишение ее свободы. Результатом институционализации рациональности являются университеты, а в своей саморефлексивной форме — философские факультеты, департаменты, отделения, школы, лаборатории и институты, а также упорядоченные отношения внутри них, между ними самими и между ними и заинтересованными сторонами: представителями власти, религий, другого университетского сообщества, медиа, общества и т. д. В то же время как философия предполагает философа, а институ-

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 20-78-00121 в Российском государственном гуманитарном университете.

1. Платон. Государство (VI, 497b). М.: Академический проект, 2015. С. 221.
2. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 96–103.
3. Реконструкцию теории интеллектуала, согласно Макс Веберу, и интерпретацию интеллектуала как агента знания см. в статье: Кустарев А. Макс Вебер // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 188–206.

ционализация философии — институционализацию деятельности философов, так и предполагаемая драма порабощения и ответственность за свободу философии может быть заключена в одиночестве душевной жизни философа. Наконец, если принять гегельянский тезис о тождестве духа и свободы, то институционализация как упорядочение оказывается свободой, открытием рациональности за случайностью и разрозненностью обстоятельств, свободой, воплощенной в нормах, традициях, законах. Данное предварительное размышление ставит нас перед тремя противоречащими друг другу выводами, воспроизводящими диалектический схематизм⁴: институционализация философии — это и закрепощение философии, и вызов философу, и воплощение свободы философии. Рассмотрим проблему на выбранном историческом примере из Франции, где, как заметила Катрин Малабу,

... взаимодействуют, взаимоартикулируются два момента: философская рациональность, с одной стороны, и институциональность, с другой. В мире и в Европе Франция представляет собой особый случай в той мере, в которой связь между философским и институциональным элементами является откровенно выраженной⁵.

Институционализатор

В середине XIX века во Франции был даже не философ — «король философов»⁶ Виктор Кузен (1792–1867). Он известен как философ-электик и спиритуалист, институционализировавший философское образование этой страны. Выходец из бедной семьи; неизвестно, умел ли он читать до одиннадцати лет, но уличная потасовка в 1803 году дала ему дорогу в жизнь: он защитил

4. См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа (§ 484, 486, 487). М.: Мысль, 1977. С. 326, 327–329. Гегелевский схематизм развития понятия свободы мы перенесли на развитие институционализации рациональности и ее автономии: доличностная свобода через собственность и как собственность, затем личная рефлексивная свобода морального выбора и, наконец, деятельное проникновение свободы в действительность в виде ее правового или конституционного устройства.
5. Малабу К. Преподавание философии во Франции: прошлое и будущее // Философские исследования. 1993. № 2. С. 82. Обширное исследование французского философского образования проводилось «Группой исследований философского образования» (*Groupe de Recherches sur l'Enseignement Philosophique, GREPH*), инициированной в 1974 году Жаком Деррида.
6. *Puisais É.* La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870. P.: L'Harmattan, 2005. P. 143. Прозвище аналогично новому титулу Луи-Филиппа I — «король французов» (*roi des Français*).

мальчика, мать которого в благодарность устроила Виктора в лицей. Восемь лет спустя он уже преподавал греческий и латынь, еще через год вел семинары по философии, а через три года читал лекции самостоятельно. Вернее сказать, не читал, а долго готовил лекции, шлифуя форму и ритм, репетировал со знакомыми, а затем устраивал полное драматического напряжения и патетики действо, удерживал заскучавших анекдотами, а после поездок в Германию баловал слушателей совсем уж редким для французов и таинственным в те годы зарейнским, алеманнским туманом понятий⁷. Философия Кузена с начала его популярности и в дальнейшем была предметом иронии современников⁸, но не содержательная ее ценность является предметом нашего исследования. В самом начале университетской карьеры, в 1817 году, Кузен познакомился с Гегелем, как и со многими другими немецкими философами, но с Гегелем он стал дружен особенно. Вплоть до кончины Гегеля Кузен был его частым собеседником и гостем, сам принимал его в Париже, они регулярно переписывались⁹. Слава Кузена, усиленная знакомством с неизвестными французам и оттого интригующими немецкими мыслителями, была, как можно судить из литературы¹⁰, безмерна и даже стала причиной временного запрета на преподавание: он прослыл оппозиционным по отношению к Бурбонам и был вынужден бежать из страны. В изгнании Кузен успел попасть под следствие как революционный подпольщик в Дрездене, откуда предположительно ему помог выбрать Гегель. Незадолго до наступления Июльской монархии, пол-

7. Согласно свидетельствам современников. См.: *Taine H. Les philosophes français au XIX siècle*. P.: Hachette, 1857. Позже, готовя в начале 1830-х годов рекомендацию о реформе школьно-университетской системы, Кузен осудил театральность открытой лекционной работы факультетов словесности, так как она не предполагает взаимной ответственности за качество лекций и их усвоение от лектора и студентов, не способствует постоянству, методичности и глубине образования (*Cousin V. Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne*. P.: Levrault, 1833. P. 139–140).
8. *Фишер К. История новой философии*. Т. 8: Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. Кн. 1. С. 94; Гейне в воспоминаниях современников / Пер. с нем. и фр.; сост., предисл., науч. подг. текста и коммент. А. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1988. С. 170; *Heine H. Oeuvres de Henri Heine*. Т. 6: *De l'Allemagne*, t. 2. P.: Renduel, 1835. P. 250.
9. Биографические детали знакомства и общения Гегеля и Кузена в данной работе мы опускаем, они собраны отдельно (*Курилович И. С. Виктор Кузен в развитии гегелеведения во Франции // Философские науки*. 2016. № 9. С. 35–48).
10. *Реизов Б. Г. Французская романтическая историография*. Л.: ЛГУ, 1956.

ный решимости развивать философию, он смог вернуться в Париж. Готовясь к возвращению, Кузен писал Гегелю:

Спуститесь немного с Ваших высот, подайте мне руку... я прошу смиловаться ради Франции. Гегель, скажите мне истину, и я принесу из нее в свою страну то, что там смогут понять¹¹.

На волне очередных революционных событий, когда дворянство снова было отстранено от ведущих постов, высшие управленческие кадры стали набирать из Сорбонны в таком количестве, что эпоху позже назвали «Республикой профессоров»¹². Кузен приезжает вовремя. Его карьера отличалась особенной стремительностью: за несколько лет он избирается в число членов Академии моральных и политических наук, восстановленной историком Франсуа Гизо¹³, занимавшим на тот момент пост министра, становится членом Французской академии, возглавляет Эколь Нормаль, входит в Королевский совет по общему образованию, становится госсекретарем и членом Палаты пэров. Наконец, хотя и на короткое время, — министром народного просвещения. И, что для нас еще важнее, Кузен возглавляет жюри конкурса «агрегации по философии» — института, который после усилий Кузена стал тотально определять облик французского философского сообщества (и это до сих пор не изменилось¹⁴). В середине этого

11. Цит. по: *Barthélémy-Saint-Hilaire J. M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance*. P.: Alcan; Hachette, 1895. Т. 1. P. 188–189.
12. *Thibaudet A. La république des professeurs*. P.: Grasset, 1927.
13. В целом о политике Гизо см.: *Мамвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо*. М.: ИД ВШЭ, 2019. Кузен вместе с Гизо относился к партии доктринеров.
14. Агрегация, или агрегасьон (*agrégation*), — специфичный для Франции институт профессионального отбора педагогического корпуса, появившийся после изгнания из страны иезуитов во второй половине XVIII века и последовавшего выведения коллежей (средняя школа) из владения, содержания и управления ордена. Так как во Франции среднее и высшее образование и на административном, и на кадровом уровнях объединены, а весь XIX век и вовсе были частями единой централизованной организации под названием «Университет», пополнение преподавательского корпуса коллежей и лицеев есть первый шаг к преподаванию в высших учебных заведениях, тем самым «агрегация» — пропуск к преподаванию вообще. Официально в 1808 году, а фактически в 1821-м агрегация восстановлена в виде конкурсной экзаменационной процедуры по трем специальностям: словесность, грамматика и науки. Агрегация по философии появилась в 1825 году и к 1830 году уже проводилась систематически. Звание агреже (*agrégé*, агрегированный) до 1820-х годов, в том числе и самому Виктору Кузену, присуждалось решением локальных коллегиальных

восхождения Кузен в последний раз навещает Гегеля и обсуждает с ним излюбленную тему их многократных разговоров, политике, но теперь впервые как политик и чиновник, член Королевского совета по общественному образованию — это была командировка, результатом которой стал представленный министру общественного образования и культав графу Монталиве «Доклад о состоянии общественного образования в некоторых странах Германии». После возвращения Кузен пишет Гегелю письмо, которое раскрывает темы их последних бесед:

Что до политической карьеры, то повторюсь, я ее начинать не хочу. Депутатство само по себе меня прельщает мало, и я остаюсь верен философии. Мое место в совете общественного образования мне приятно благодаря тем услугам, которые оно позволяет мне оказать философии; ...в тот день, когда у меня не станет полезного влияния на философские исследования, в этот самый день я уйду. Знайте (*mettez-vous bien dans l'esprit*), дорогой Гегель, что я всей душой по-прежнему с философией. В ней

органов по совокупности заслуг, а не как в период после Кузена и Гизо, последние без малого два века вплоть до сего дня, — централизованно, пожизненно, в результате выполнения конкурсных письменных и устных заданий на риторическую (а не схоластическую) аргументативную виртуозность и на память набора сюжетов из истории философии. Агрегация по философии с момента ее создания и до наших дней, как следует из доклада 2001 года главного инспектора Республики Андре Песселя, «определяет общие нормы дисциплины» (*Pessel A. Mission d'information et de reflexion sur l'agregation de philosophie. Rapport à Monsieur le Ministre de l'éducation nationale, 2001. P. 5*). Приведенная оценка является общим местом во Франции. Дополнительное подтверждение можно найти, например, в работе нынешнего главы Академии моральных и политических наук Бернара Буржуа (*Bourgeois B. Hegel en France: le destin français des Principes de la philosophie du droit // Idem. Études hégéliennes. Raison et décision. P.: PUF, 1992. P. 371*). Опираясь на личный опыт общения с французскими коллегами, могу добавить, что подготовка к конкурсу является важнейшим вызовом профессиональному философу во Франции; до поздних лет агреже указывают это звание в документах, а полученное на конкурсе место является неизменным предметом гордости, существенно более значимым для статуса, карьеры, количества лекционных часов на ставку и размера зарплаты, чем защита докторской диссертации и даже габилитация. И сегодня тема и персоналии следующего конкурса агрегации по философии, частично сообщаемые заранее, меняют товарную матрицу всех книжных магазинов страны и планы научных издательств на год вперед, так как агрегация всеобщим образом определяет спрос приблизительно трех-пяти тысяч активных потребителей, готовящихся к конкурсу, а также их преподавателей, репетиторов и тренеров по подготовке к нему.

поэзия моей скудной жизни; как я уже говорил, политика лишь заполняет эпизоды¹⁵.

Письмо отправлено за два месяца до смерти Гегеля, ответ философ написать не успел.

Философия стала обязательной в старших классах всех коллежей Франции еще в 1810–1814 годах и как школьная риторическая¹⁶ дисциплина подразделялась тогда на логику, метафизику, мораль и историю философии. К падению режима Реставрации ее формально, но не содержательно вывели из риторического блока дисциплин в отдельный блок¹⁷. Тем самым заслуга Кузена не во введении философии, но в ее сохранении и упорядочивании. Закон Гизо 1833 года сделал среднее образование более доступным, число коллежей росло, и, соответственно, расширялось поле администрирования непосредственно философского образования, которым Кузен и занимался. Однако несколько лет спустя, верный своим заверениям из последнего письма Гегелю, Кузен сокращает политическую активность, выходит из правительства и, сохраняя остальные официальные должности, сосредоточивается на институционализации среднего и высшего философского образования и управлении им в рамках единого Университета.

Получилось так, что Кузен законодательно подготовил, административно выстроил и сам взялся контролировать путь нового поколения философов. Контроль распространялся повсюду, где он сам или его ученики имели власть: от формирования философских симпатий у старшеклассников и этапа набора студентов в Эколь Нормаль (в университет отбор не требовался) до получения права преподавания через конкурс агрегации и устройство карьеры учеников. Предсказуемо, что на протяжении десятилетнего восхождения в управлении французским философским образованием Кузен, всего добившийся сам, остро нуждался в поддержке преданных ему людей. Он открывал дорогу к преподаванию, а также заполнял ад-

15. Janet P. Victor Cousin et son Œuvre philosophique III. La Disgrâce. Cousin et Hegel: Correspondance inédite // Revue des Deux Mondes. 1884. Vol. 61. P. 644.

16. Преемственность риторической направленности французского общего образования от старого к новому режиму основательно описана в первой главе «Матрица» новой книги Сергея Козлова «Имплантация»: Козлов С. Имплантация: Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: НЛЮ, 2020. С. 34–110.

17. Gerbod P. La condition universitaire en France au XIXe siècle: étude d'un groupe socio-professionnel, professeurs et administrateurs de l'enseignement secondaire public de 1842 à 1880: thèse pour le doctorat ès lettres présentée à la Faculté des lettres et sciences. P.: PUF, 1965. P. 73–74.

министративные должности, на которые мог повлиять, своими старыми и новыми учениками. Показателен фильтр в виде конкурса агрегации по философии, жюри которого годами возглавлял Кузен: с 1830 по 1842 год конкурс пытались пройти 170 человек, из них звание агреже получили 45 претендентов (по другим данным — 39), из которых 26 — «нормальены», выходцы из Эколь Нормаль, директором которой был тот же Виктор Кузен. И он продолжал их поддерживать после: по меньшей мере 28 из 48 мест преподавателей философии в государственных или королевских коллежах (*collèges royaux*) во Франции заняли ученики Виктора Кузена¹⁸.

Не находясь в контексте французской системы образования, легко отличить данную систему личной зависимости, сродни клиентеле, от гумбольдтовской системы, видевшей наибольшую угрозу университетской науке в доморощенных «школах», построенных на лояльности, противных духу состязательности. И развитие философии в Германии¹⁹ в XIX веке показало, что государственному курированию философских факультетов сопутствует рост профессионализации, больший, чем дает саморегулирование профессорской корпорации средневекового типа. И действительно, отличия между Францией и Германией в институционализации философии значительны, однако, если обратить внимание на автоматизм получившейся системы, не менее значимы и сходства. Воспроизводство канона имен и методологии во Франции продолжилось и после Кузена²⁰, система развилась в почти сослов-

18. *Gerbod P. La condition universitaire en France au XIXe siècle.* P. 76. Расширенная статистическая информация: *Chervel A. Les agrégés de l'enseignement secondaire. Répertoire 1809–1960 // Ressources numériques en histoire de l'éducation.* 2015. URL: http://rhe.ish-lyon.cnrs.fr/?q=agregsecondaire_laureats. Результаты в исследованиях расходятся, так как опираются на разный состав архивных данных, но подтверждают общую приводимую выше тенденцию.

19. Как заметил Роман Громов, университетская модель, централизованно развивавшаяся в Советском Союзе, также способствовала профессионализации. См.: *Громов Р. Философия как объект правового регулирования: Пути профессионализации философского образования в СССР // Логос.* 2014. № 2 (98). С. 43–64.

20. Виктор Кузен скончался в 1867 году, за несколько лет до этого он оставил все административные посты, но с 1868 до 1900 года на 238 новых агреже приходится 113 «нормальенов» (*Chervel A. Les agrégés de l'enseignement secondaire. Répertoire 1809–1960*). Обладатели первых мест в конкурсе, как идеальные воплощения понимания нормы конкурсного испытания, систематически получают приглашения работать в Эколь Нормаль, занявшие вторые и третьи места также обычно остаются в Париже, в региональные университеты и лицеи нанимаются остальные агреже.

ную организацию «нормальенов» при их инициации через агрессию²¹. Поэтому данный случай является примером именно институционализации, а не только авторитаризма и демонстрирует одну из форм университета под государственным патронажем, каковым является и немецкий университет, которым Кузен до определенной степени вдохновлялся. В понимании происходивших тогда процессов отчасти помогают теоретические рамки неоинституционализма: как заметили Джон Мейер и Брайан Роуэн,

... институциональные правила могут оказывать на организационные структуры и их воплощение в реальных технологических процессах особое влияние, совершенно отличное от воздействия сетей социального поведения и отношений, из которых состоит данная организация и которые ее окружают²².

Деятельность Кузена состояла именно в том, чтобы в Университете, в целом сформированном реформами Наполеона, упорядочить философское образование с помощью установления институциональных правил («классификации, встроенные в общество как взаимные типизации или интерпретации»²³), которые сохранятся после него.

Компромиссы центризма

Победа школы Кузена не была повсеместной. Во-первых, он потерпел поражение в реформировании всей университетской системы, пытаясь создать сеть отдельных университетов немецкого образца вместо рассредоточенных по Франции отдельных факультетов единого Имперского университета. Во-вторых, в вопросе преподавания философии победа ограничивалась королевскими коллежами²⁴, Эколь Нормаль, философским факультетом в Париже и академия-

21. Ср. книгу: *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: НЛЮ, 2008; и критическую рецензию на нее: *Куренной В. А.* Немецкие мандарины: критические заметки // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 224–237. О том, через какие этапы утраты и возвращения влияния проходила французская профессура, см.: *Debray R.* Le Pouvoir intellectuel en France. P.: Folio, 1986.
22. *Мейер Д., Роуэн Б.* Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1. С. 45.
23. Там же.
24. Позже они стали основой системы престижнейших подготовительных лицеев, существующих во Франции до сих пор.

ми, но не охватывала всех интеллектуалов вне Парижа. Ирония в том, что либерального Виктора Кузена формально сдерживал либеральный же циркуляр от 6 октября 1830 года, согласно которому

Университет не предписывает и не исключает какую-либо [философскую] систему и в целом оставляет их [выбор] своим преподавателям философии, которые публикуют свои курсы на суд мнения (*le tribunal de l'opinion*) и компетентных в этих вопросах судей. Университет не будет предпочитать для своих школ никакого определенного философского произведения, сколь бы оно ни было выдающимся²⁵.

Циркуляр устанавливал, что Совет по общему образованию во главе с инспектором и с обязательным участием советника, ответственного за философию, могут лишь «рекомендовать» то или иное произведение. А автор вправе поместить рекомендацию, например, на обложке, использовать в рекламе и как угодно еще. Но рекомендации формально не ограничивают самих преподавателей философии. Двойная ирония в том, что союзником Кузена и Гизо по неудавшемуся в середине XIX века проекту преобразования унифицированной системы факультетов единого Университета в сеть автономных университетов, в каждом из которых был бы и философский факультет, являлась католическая партия, по-своему заинтересованная в независимости собственных образовательных программ²⁶. И католическая партия, восстанавливающая свое влияние, пользовалась либеральным циркуляром, а также поддержкой Луи-Филиппа, чтобы удерживать уважительную к религии, но в целом светскую школу эклектизма от занятия должностей в общинных или муниципальных коллежах (*collèges communaux*) и распространять там клерикальную философию. Виктор Кузен, как можно судить, один и строил свою философию, и воспитывал последователей, и укреплял при помощи своих учеников проводимые законодательно изменения, тогда как сам был вынужден колебаться между государством и организацией, за спиной которой было полторы тысячи лет истории.

25. 6 octobre 1830. — Circulaire aux recteurs relative aux recommandations et adoptions des ouvrages de philosophie pour l'enseignement des collèges // Circulaires et instructions officielles relatives à l'instruction publique: publication entreprise par ordre de S. Exc. le Ministre de l'instruction publique et des cultes. T. 1. 1802–1830. P.: Delalain Frères; L'Université de France, 1863. P. 672. См. также: *Gerbod P.* La condition universitaire en France au XIXe siècle. P. 74.

26. Наиболее сильными представителями католической партии в области образования были аббат Нуаро из Лиона и аббат Батай в Страсбурге.

Эклектизм как философское учение²⁷ предполагал «гармонию противоположностей», что политически выливалось в принципиальный центризм по всем вопросам: не сенсуализм, а спиритуализм — не чистый, но его эклектическая психологизация; не революция социалистов, а монархия — не абсолютная, но конституционная; не определенная религия, а спиритуалистический примат разума и светскость — но с сохранением права на доступ

27. Эклектизм как методология истории философии и систематизации философского знания у Виктора Кузена был скептической селекцией спиритуалиста или, как говорил сам Кузен, «рискованной встречей всех систем, где различные принципы приговариваются или оправдываются по их следствиям» (*Cousin V. Du vrai, du beau et du bien.* P.: Didier, 1853. P. III). Методология Кузена восходит одновременно к позитивному пониманию эклектизма, утвердившемуся еще в вольфианском систематическом изложении Лейбница, и к определению эклектизма из статьи Дидро в «Энциклопедии», с той оговоркой, что скромность «домашней» философии Кузена и его школе отнюдь не присущи. Дидро писал: «Эклектик — философ, отрицающий предубеждения, традицию, древность, общепризнанность, авторитет, — одним словом, все поработщающее умы; он дерзает мыслить по-своему, восходит к общим, наиболее ясным началам, исследует, обсуждает их и не принимает ничего, что не подтверждается его опытом и разумом, а из всех философий, анализируемых им без всякого пиетета и пристрастия, составляет свою личную и домашнюю философию, принадлежащую лишь ему. Я употребляю выражение „личную и домашнюю философию“, потому что эклектик меньше стремится к роли учителя человечества, чем к положению его ученика; он не стремится переделывать других, а хочет переделать самого себя, познать истину, а не учить ей других. Это отнюдь не человек насаждающий или сеющий, это человек собирающий и просеивающий» (*Дидро Д. Эклектизм // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера.* М.: Наука, 1994. С. 618). В целом то же, но более рационалистично и без «домашности» у Вольфа: «Как бы меня ни убеждали, будто я или кто-либо другой видит истину (непосредственным образом), я пытаюсь сохранить все хорошее, где бы оно ни встретилось, и забочусь только о том, чтобы освободить все это от привычных предрассудков, дабы не нанести ущерба из-за злоупотребления наукой. И это, как мне кажется, правильный метод философской эклектики или мировой мудрости, который не является сторонником никого, но все проверяет и составляет лишь то, что может связать друг с другом в разуме или привести к образованию гармоничной системы» (цит. по: *Крупнин Г. Н. Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век.* Альманах. Вып. 3: Христиан Вольф и русское вольфианство. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998. С. 55 (*Wolff Ch. Anmerckungen zu den vernunftigen Gedancken von GOTTE, der Welt und der Seele des Menschen.* Halle, 1720. § 115). См. также: *Микешина Л. А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки.* 2013. Т. 38. № 4. С. 27–43).

в школы для католического духовенства. Кузену требовалось выполнить государственный заказ и получить гармонию первых двух сословий с третьим, чтобы добиться «единства отечества»²⁸, «единства французов»²⁹ во главе с их королем. Помимо прочего, это следует из страстных речей Кузена, произнесенных с апреля по май 1844 года в палате пэров по поводу нового закона о среднем образовании. Речи были объединены в сборник «Защита университета и философии». В частности, в речи от 3 мая можно познакомиться с защитой Кузеном курсов философии от церкви, аргументами в пользу приоритета разума и его институционального выражения (то есть Университета) над религиозными позициями. Среди аргументов Кузена важное место занимают апелляции к покровительству и авторитету императора, которые сложно охарактеризовать иначе как «доводы к городовому» и «палочные доводы»³⁰.

Позволим себе недостаточный для доказательства, но основанный на свидетельствах эпохи *argumentum ad hominem circumstantiae*: создается впечатление, что Кузен, родившийся в начале Великой французской революции и переживший часть Реставрации Бурбонов в изгнании, принимал Июльскую монархию вместе с правительством либерал-консерватора историка Гизо за наилучший из возможных видов правления, видел в ней ту конституционную монархию, о которой беседовал некогда с Гегелем. Кузен находился под давлением клерикальных кругов и не знал, что Университет вскоре, в 1848 году, полностью освободится от церковного влияния сразу после отречения Луи-Филиппа. Частично он сам был заинтересован в католической партии как во временном союзнике для общеобразовательной реформы. Вероятно, находясь в Парижском университете, исторически связанном с епископатом, Кузен принимал послереволюционные достижения в смещении клерикальных сил за максимально возможные, а потому еще большим давлением на религию боялся спровоцировать католическую партию на реакцию — новая, его собственная философская школа, которая подменяла собой всю философию во Франции, была слишком молода, чтобы выдержать контрудар. Поэтому Кузен прилагал все силы к позиционной борьбе за укрепление *status quo*, прибегал к компромиссам со всеми сто-

28. Cousin V. Défense de l'Université et de la philosophie: discours prononcés à la Chambre des pairs. P.: Joubert, 1845. P. 69.

29. Ibid. P. 86.

30. Ibid. P. 135–164.

ронами, при всякой возможности отводил удар от институции на себя — все ради сохранения и расширения поля возможностей без революционных потрясений.

«Гармония противоположностей» требовала предсказуемости, ее требовали и власти. Еще в 1808 году Наполеон высказал ожидания государства относительно научных и особенно учебных трудов такими словами: «Чрезвычайно важно заранее знать, в каком духе будут писать продолжатели. Я возложил на министра полиции обязанность следить за продолжением...»³¹ Принято указывать на высказывания и поведение Кузена после получения им политического и административного веса как на реакционные и провластные³², на то, что он становится «наемным философом»³³. Реформа Кузена подозревалась в ангажированности, тем более скандальной, что, как позже скажут, за «предательством интеллектуалов»³⁴ стоял спиритуалист — «светский клирик», служитель вечных истин, посвятивший им одну из важнейших своих работ³⁵. И действительно, с 1830-х годов Кузен объясняет необходимость подчинять государственным интересам весь Университет, начиная со средней школы:

Право на образование не одно из естественных прав индивида и не предмет для предпринимательства, а часть государственной власти (*un pouvoir public*). <...> Университет — это подчиненное государству общественное образование. <...> Университет не все государство, но в качестве государственной службы (*service public*) он есть служба, государству подчиненная. Он не противится вмешательству государства и его органов (*des pouvoirs publics*), как

31. Цит. по: Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Пер. с фр. А. Матешук. М.: ИРИСЭН; Мысль; Социум, 2009. С. 223. В предложенной цитате речь о трудах по истории, но слова Наполеона в еще большей мере касались того, что называлось «моральными и политическими науками», к которым относилась и философия.
32. *Macherey P. Les Débuts philosophiques de Victor Cousin // Corpus. 1991. № 18–19. P. 29–49; Сэв Л. Современная французская философия: исторический очерк: от 1789 года до наших дней. М.: Прогресс, 1968.*
33. *Philosophe salarié* — прозвище, данное Кузену его протее, профессором Страсбургского университета Жозефом Феррари, который примкнул к критикам Кузена, когда сменился режим. Суть критики состояла в том, что Кузен создал тайную организацию школы эклектизма, подобную иезуитам, противостоящую новой революции и немецкой социальной мысли (см.: *Ferrari J. Les Philosophes salariés suivi de Idées sur la politique de Platon et d'Aristote et autres textes. P.: Payot, 1983 [1849]*).
34. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов.
35. *Cousin V. Du vrai, du beau et du bien.*

их называют; он прекрасно знает, что завтра власти могут разрабатывать закон, который его изменит или уничтожит³⁶.

Деррида, изучавший наследие и результаты работы Кузена, заметил, что институционализируемая рациональность оказывается скомпрометирована уже тем фактом, что отделенный от Университета, но подотчетный правительству автор составляет программу экзамена, конкурса или образовательного курса:

Фактически он прямо или косвенно страдает от идеологических или политических ограничений, реальной программы власти. И поэтому он неизбежно склонен в основном ее повторять, воспроизводя условия ее осуществления и отбрасывая все, что посягает на этот порядок³⁷.

Отказ гегелевскому наследию

В устроенной Наполеоном системе образования как системе специалистов-меритократов Кузен с оглядкой на Пруссию углублял институционализацию философии, по-гегелевски отождествляя государственное устройство с развитым в действительности духом³⁸, внедрял во Франции отношение к истории философии как «первой философии» так, что эклектизм «фрагментов» Кузена у неискушенного наблюдателя мог напоминать гегельянский принцип «снятия» особенности отдельных философий в ситуации конца истории философии. Он обещал привезти в свою страну философию Гегеля, и следовало бы ожидать, что, получив власть, он так и поступит, однако, как будет показано далее, уже в качестве чиновника Кузен закрывал дорогу знакомству французских философов с работами Гегеля.

Симпатии французского «короля философов» оказываются после 1831 года на стороне главного борца против гегелевского наследия — Шеллинга. Кузен просит и получает от Шеллинга

36. Cousin V. Défense de l'Université et de la philosophie. P. 135–164. Как пишут французские исследователи, приравнивание образовательных институтов к государственной власти (*pouvoir public*) и государственной службе (*service public*) было популяризовано Гизо в 1833 году, но разработано в 1831 году в докладе Кузена предшественнику Гизо, Монталиве, где философ настаивал на всеобщем школьном образовании (*Nique C. François Guizot. L'École au service du gouvernement des esprits. P.: Hachette, 1999. P. 40*).

37. Derrida J. Du droit à la philosophie. P.: Galilée, 1990. P. 126.

38. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа (§ 517). С. 341.

то, чего безуспешно³⁹ добивался от Гегеля — предисловия к своей работе, и оно было откровенно антигегельянское⁴⁰. И Шеллингу Кузен жалуется на соотечественников, которые считают его сервильным философом за двойное угодничество: перед Луи-Филиппом и, еще более, перед католической партией, в согласии с которой Кузен сохранил участие религии в школьном образовании⁴¹. Кузен считал, что занимается не упразднением достижений революции, но сохранением минимума монархии и роли церкви, видя в этом центристский баланс, или, в его терминах, «гармонию». Для отражения нападок противоположных полюсов политического, религиозного, идеологического спектров могли быть полезны и идеи Гегеля, но лишь пока они высказывались без ссылок на автора⁴². Силам католической реакции, понимаемой в школе Кузена как «мистические девиации»⁴³, противопоставлялась академическая монополия на суждения о высших началах, а Гегель с Кантом и Шеллингом служили здесь авторами форм включения религии в высшие принципы разума. Фрагменты гегелевской мысли использовались и для противостояния социалистам («утопическим девиациям» в терминологии школы Кузена) — фрагменты трудов Гегеля, Гердера и Вико, касающихся философии истории, а именно подчинению исторического прогресса разуму, помогали отстаивать основания стабильности государства. Но непосредственная ссылка на Гегеля в глазах власти и духовенства могла бы дискредитировать: религиозно он мог быть понят и как истовый лютеранин, и как атеист, что по-

39. Сохранилось письмо Гегеля, который извиняется, что не готов поступиться совестью и хвалить труды Кузена, а ругать друга он отказывается (*Гегель Г. В. Ф.* Раб. разн. лет. М.: Мысль, 1971. Т. 2. С. 520).
40. *Schelling F. W. J. Nebst einer beurtheilenden Vorrede // Cousin V. Über französische und deutsche Philosophie.* Stuttgart; Tübingen: Cotta'schen Buchhandlung, 1834. S. XIII–XV. Сразу переведено на французский: *Idem.* Jugement de M. de Schelling sur la philosophie de M. Cousin / J. Willm (trad., préf.). P.; Strasbourg: F. G. Levrault, 1835.
41. *Barthélémy-Saint-Hilaire J. M.* Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. Т. 3. P. 75.
42. Даже используя гегелевские идеи, став чиновником, ссылаться Кузен предпочитает на Шеллинга (*D'Hondt J.* Hegel et l'hégélianisme. P.: PUF, 1991. P. 51).
43. Ярлыки философских и политических позиций, данные в терминах кузеновского эклектизма, собраны в работе: *Landrin X.* L'«éclectisme spiritualiste» au XIXe siècle: sociologie d'une philosophie transnationale // *Le commerce des idées philosophiques / L. Pinto (dir.).* Bellecombe-en-Bauges: Editions du Croquant, 2009. P. 44.

чти одинаково плохо⁴⁴, а политически выглядел и апологетом прусского государства, и революционером — снова «оба хуже»⁴⁵. В конце концов, за оправданиями действий и замалчиванием авторства идей приходила уверенность в своей правоте и дистанцирование от неблагонадежной мысли, а к таковой в итоге был отнесен не только Гегель, но постепенно и все немцы. Столпами современной философии признавались французы и преимственность французских мыслителей в веках: от Пьера Абельяра⁴⁶ через Рене Декарта к Виктору Кузену. В 1842 году Кузен в докладе во Французской академии заявил о «противостоянии гипотетической метафизике немецкой школы»⁴⁷, а в 1843 году признался: «Понемногу я освобождаюсь от немецкой философии и все глубже погружаюсь в психологию»⁴⁸. В 1845 году школа Кузена в борьбе с немецкой мыслью объявила «нерушимую верность»⁴⁹ картезианству и постановила следующее:

Учение Гегеля — необходимая развязка драмы немецкой философии; однако истина не в последних результатах гегелевской школы. Учение о тождестве бытия и мышления на наших глазах ведет путем пантеизма к вере в вульгарный материализм, выводам которого противился наш XVIII век. За этими тривиальными следствиями из парадоксальных предпосылок мы истину не признаем⁵⁰.

44. «Платон Антихриста» — такими характеристиками Гегеля делился высший свет (*Lamennais F. Œuvres posthumes de F. Lamennais publiées selon le vœu de l'auteur par E. D. Forgue. Correspondence: T. 2. P.: Paulin et le Chevalier, 1859. P. 120.*)
45. Виталий Куренной заметил более общую причину, по которой гегелевская философия была «обречена» на маргинализацию в гумбольдтовском и, добавим мы, вообще новоевропейском университете: она не предполагает потенциально бесконечного развития знания, будь то развитие на основании идеалов герменевтики или эклектизма (*Куренной В. Философия и институты: случай феноменологии // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 8.*)
46. *König-Pralong C. Découverte et colonisation françaises de la philosophie médiévale (1730–1850) // Revue des sciences philosophiques et théologiques. 2012. Vol. 96. № 4. P. 663–701.*
47. *Cousin V. Des Pensées de Pascal: rapport à l'Académie française sur la nécessité d'une nouvelle édition de cet ouvrage. P.: Ladrangé, 1843. P. LI.*
48. Цит. по: *Barthélémy-Saint-Hilaire J. M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. T. 3. P. 275.*
49. *Rémusat C. De la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques, précédé d'une introduction sur les doctrines de Kant, de Fichte, de Schelling et de Hegel. P.: Ladrangé, 1845. P. 208.*
50. *Rémusat C. De la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques. С. 206.*

Достаточно оснований, чтобы понимать приведенный выше вердикт со всей серьезностью: не как частную оценку или полемику школ, а как модерирование национального философского канона на долгие годы вперед.

Институциональная инерция канона

Уже упоминавшийся циркуляр 1830 года прямо запрещал правительству устанавливать программу курса философии, соответственно, максимум официального давления состоял в том, чтобы, руководствуясь идеологическими предпочтениями, отказываться в рекомендации неблагонадежным сочинениям и, что важнее, ограничивать список авторов для сочинений на агрегацию⁵¹. В общем контексте внутренней политики Июльской монархии (суды над журналистами, упрощение вынесения обвинительных решений, введение закона об оскорблении величества и палат, запрет народных собраний) несложно предположить, что либеральный циркуляр ограничивал школу Кузена лишь там, где его оппоненты имели политическое влияние — как в случае католиков, — но не был препятствием в случае такого философа, как Гегель, частично используемого маргиналами, но целиком неприемлемого для всех партий.

Содержание следующего фрагмента доклада Виктора Кузена в должности председателя жюри агрегации по философии демонстрирует публичное признание целей модерирования философского канона, а время создания — 31 августа 1850 года, то есть два с половиной года спустя после падения Июльской монархии, — преимственность средств:

Преподаватель философии — функционер морального порядка, который благодаря государству служит духовной и душевной культуре при помощи наиболее достоверных (*certaines*) частей философской науки. Он должен устранять из своих уроков вопросы, не связанные с этим великим объектом. Император Наполеон, обращаясь к первому директору Эколь Нормаль, сказал: «Месье, производите наставников (*régents*), а не академиков». Эти слова основателя Университета адресованы не только

51. Как мы заметили ранее, управлять списком авторов на конкурс — значит на несколько лет определять список чтения всех философов старших курсов, выпускников и докторантов. Учитывая интенсивность подготовки и постоянный рост конкуренции за место в результатах конкурса, читать то, что в список подготовки не войдет, времени не оставалось.

Эколь Нормаль, они также могут служить правилом конкурса агрегации. Они указывают на наш долг, и мы постарались скорее сдерживать, чем стимулировать, развитие молодых кандидатов⁵².

Влияние Кузена распространялось на круг чтения профессиональных философов не только через внутриуниверситетские механизмы, конкурс по итогам обучения, развитие карьеры и рекомендации литературы для занятий философией в государственных коллежах. Имевшиеся у Кузена связи с издателями философской литературы, прежде всего с издательством «Ладранж» (*Ladrange*), помогали направлять публикационную активность учеников — как исследователей, так и переводчиков. Работ о Гегеле почти не писали⁵³, что говорит само за себя. Пищу для размышлений дают переводы: с 1830 по 1848 год больше половины переводов философской литературы на французский язык выполнили представители школы Виктора Кузена⁵⁴. Таким образом устроенное книгоиздание иностранных авторов дает нам дополнительный довод утверждать, что философия Гегеля включалась Кузенем из Университета: за годы Июльской монар-

52. *Cousin V. Rapport adressé à M. le ministre de l'instruction publique et des cultes par le président du concours de l'agrégation de philosophie // Moniteur universel. Journal Officiel de la République Française. 1850. № 248 (5 septembre). P. 1–2. См. также: Chervel A. Histoire de l'agrégation. P.: Editions Kimé, 1993. С. 96–97; Académie nationale des sciences arts et belles-lettres de Caen. Mémoires. Caen: Imprimerie caennaise, 1918. P. 85. Ср. с противоположным у Гуссерля: «...в нашем философствовании мы выступаем как функционеры человечества» (Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / Пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 34). Вместе с тем важно заметить, что сказанное Кузенем в докладе министру можно и нужно также толковать как настойчивое следование принципу «умеренности» (*modération*), идущей из иезуитских коллежей риторической традиции воспитания «приличного человека» (*honnête homme*), который должен учить ровно столько, сколько нужно для эффективного представления своей позиции, но не больше, чтобы не увлечься специальным (схоластическим) исследованием — неизбежно рискованным композиционно. Подробнее о «приличных людях», соответствующей традиции и полемике вокруг нее см.: Козлов С. Имплантация. С. 42–85.*
53. См.: *Puisais É. La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870*. Немногочисленных авторов, упоминавших философию Гегеля до Франко-прусской войны, Жак Д'Онт за незначительность их работ называет «труппой маленьких французских гегельянцев» (*troupe des "petits hégéliens français"*) (*d'Hondt J. Préface // Puisais É. Op. cit. P. 11*).
54. *Landrin X. L'éclectisme spiritualiste au XIXe siècle. P. 44.*

хии во Франции не было переведено и издано ни одного авторизованного произведения Гегеля. Но еще более показательное то, что сделано все же было: при наличии опубликованных при жизни Гегеля произведений — «Феноменологии духа» (1807), «Науки логики» (1812–1816), «Энциклопедии философских наук» (1817) и «Философии права» (1820) — единственным переводом Гегеля за время управления Кузеном французским философским образованием оказывается посмертное издание начала курса по эстетике⁵⁵, самого деполитизированного, наиболее далекого от теологии и наиболее пригодного для мозаичной эклектической переработки произведения немецкого классика. В пользу выбора издания лично Кузенom в качестве политически и религиозно благонадежного и безопасного для выстроенной организации философского образования, а потому единственного достойного публикации говорит следующий ряд фактов: Кузен сам был слушателем этого курса лекций⁵⁶, переводчиком был ученик Кузена Шарль Бенар, а вышел перевод в издательстве «Ладранж». Для сравнения: с 1830 по 1848 год представители школы Кузена 12 раз издают Канта, еще два издания выходят независимо от школы, Фихте издается 8 раз, хотя школа участвует лишь в одном из изданий, Шеллинг — 4 раза, два из них — усилиями учеников Кузена⁵⁷. Даже Маркс сумел опубликовать в 1844 году в Париже свое «Введение к гегелевской критике философии права», но саму «Философию права» на французский язык перевели лишь век спустя, в 1940 году.

Эмиль Дюркгейм, размышлявший в 1895 году о развитии французской философии⁵⁸, отличал энергичное идеологизирован-

55. *Hegel G. W. F. Cours d'esthétique / C. Bénard (trad.). P.: Ladrance, 1840–1852.* Т. 1–5. Основой для перевода Шарля Бенара послужила компиляция Генриха Густава Гото 1835–1837 годов. До падения Июльской монархии были опубликованы только два тома. Историкам отечественной философии издание может быть интересно тем, что именно с этого французского перевода Василием Модестовым был выполнен первый русский перевод: «Курс эстетики, или Наука изящного» в пяти томах, опубликованных с 1847 по 1869 год.
56. О личном изучении Кузенom гегелевской эстетики стало известно благодаря неожиданной находке: в библиотеке Сорбонны обнаружили конспект курса гегелевской эстетики, который, как удалось установить, вел лично Виктор Кузен на основании лекций летнего семестра 1823 года в Берлине. См.: *Hegel G. W. F. Esthétique, Manuscrit de Victor Cousin.* P.: Vrin, 2005.
57. Количество публикаций указано по работе: *Landrin X. L'«éclectisme spiritueliste» au XIXe siècle.* P. 50.
58. *Durkheim É. L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger.* 1895. № 39. P. 121–147. Чтобы

ное управление философскими институциями Виктором Кузеном и безыдейные, но требующие полной мобилизации рассудка и запоминания известного набора сюжетов в истории философии упражнения по философской эквилибристике для производства суждений по случаю, которыми являются задания конкурсов агрегации по философии. Дюркгейм утверждал, что Кузену философия во Франции обязана почти литературоведческой текстоцентричностью, безразличием к точным и естественным наукам и доминированием среди прочих университетских дисциплин. Особое место было обеспечено ролью для государства и общества — созданием человека и гражданина. Кузен ставил перед философией задачу построения либо изменения «нравственного единства страны» (*l'unité morale du pays*), то есть философия должна выполнять в государстве идеологическую роль, ранее принадлежавшую религии. Философия должна создавать приличного человека и хорошего гражданина, общая моральность которого могла бы использоваться любым религиозным учением, в какое бы новый француз ни обратился, а незнание устройства мира с научной точки зрения этому бы только способствовало. Но после прекращения режима Июльской монархии в 1848 году Кузен, замечает Дюркгейм, теряет рычаги власти, и жестко институционализируемая философия остается без «твердой руки» или, как пишет Дюркгейм, без «души». Не столько даже сообразуясь с интересами действующих правительств, сколько следуя институциональной инерции, но одинаково без внутренних, собственно философских на то оснований философия с переменным успехом воспроизводит заложенные в нее национальный философский канон признанных авторов и произведений и эклектичную спиритуалистическую методологию. При Кузене такое философское образование имело сформулированную самим Кузеном общественную цель и под нее корректировалось, настраивалось, однако позже, в названных рамках, но без цели, рассыпалось на индивидуальные формы риторической виртуозности на метафизическом материале. К позиции Дюркгейма стоило бы добавить, что остановка Кузеном проникновения гегелевской философии во Францию в 1830–1850-е годы, автоматизм институциональной машины и охлаждение к гегелевской мысли по всей Европе привели к тому, что во Франции, при всех предпосылках, не сформировалось гегельянство. Только через 100 лет появилось неогегельянство (Жан

оценить ситуацию второй половины XX века, см.: Сулье III. Анатомия философского вкуса // Логос. 2014. № 3–4 (43). С. 123–170.

Валь, Александр Койре, Александр Кожев, Жан Ипполит) и тоже позже, чем в прочих странах (Великобритании, США, Нидерландах, Германии, Италии, России). Еще более широкое влияние оказало то, что, по представленным выше институциональным причинам, возникшим в связи с политической конъюнктурой, Гегель попал в Программу подготовки к конкурсу агрегации по философии — предел институционального признания в философии во Франции, национальный философский канон — только в середине XX века⁵⁹.

Хотя позиция Виктора Кузена в отношении устройства философии соответствовала общим, упрощенно им понятым установкам немецкого идеализма, а первоначальные философские и человеческие симпатии были с гегелевской мыслью, вступление Кузена в управление институционализацией философии не отменило ее условий: философия подчинена цели единства Франции. Массовое философское образование выстроило свои программы в соответствии с интересами государства посредством тройного фильтра: школьный курс философии определял облик абитуриента Эколь Нормаль, программа конкурса агрегации определяла круг чтения студентов и будущих преподавателей, централизованное назначение преподавателей в лицеи и университеты на основании конкурса агрегации замыкало цикл воспроизводства — определяло верность осуществления централизованного курса философии. Если такое устройство дает «право на философию» и способствует профессионализации философа, то казус Кузена с его цензурированием Гегеля следовало бы понимать лишь как частные «перегибы» институционализации при общих положительных следствиях. Вместе с тем налицо инверсия обстоятельств существования и целевой причины, иначе называемая «замещением целей» (*goal displacement, displacement of goals* — Роберт Мёртон), когда предельные цели философского знания, как бы они ни понимались, замещаются целями существования и воспроизводства институции. Последнее в разных традициях может пониматься и как победа экстернализма в духе «философии познания», и как более чем интерналистская позиция «хитрости разума».

59. Hippolyte J. La “Phénoménologie” de Hegel et la pensée française contemporaine // Idem. Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968. P.: PUF, 1991. Т. 1. P. 235; Schrift A. D. Effects of the Agrégation de Philosophie on Twentieth-Century French Philosophy // Journal of the History of Philosophy. 2008. Vol. 46. № 3. P. 458.

Библиография

- Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Пер. с фр. А. Матешук. М.: ИРИСЭН; Мысль; Социум, 2009.
- Гегель Г. В. Ф. Раб. разн. лет. М.: Мысль, 1971. Т. 2.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3: Философия духа. М.: Мысль, 1977.
- Гейне в воспоминаниях современников / Пер. с нем. и фр.; сост., предисл., науч. подг. текста и коммент. А. Дмитриева. М.: Художественная литература, 1988.
- Громов Р. Философия как объект правового регулирования: Пути профессионализации философского образования в СССР // Логос. 2014. № 2 (98). С. 43–64.
- Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию. СПб.: Владимир Даль, 2004.
- Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 96–103.
- Дидро Д. Эkleктизм // Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука, 1994.
- Козлов С. Имплантация: Очерки генеалогии историко-филологического знания во Франции. М.: НЛО, 2020.
- Крупнин Г. Н. Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах. Вып. 3: Христиан Вольф и русское вольфианство. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 1998.
- Куренной В. А. Немецкие мандарины: критические заметки // Политическая концептология. 2010. № 2. С. 224–237.
- Куренной В. Философия и институты: случай феноменологии // Логос. 2002. № 5–6 (35).
- Курилович И. С. Виктор Кузен в развитии гегелеведения во Франции // Философские науки. 2016. № 9. С. 35–48.
- Кустарев А. Макс Вебер // Мыслящая Россия: история и теория интеллигенции и интеллектуалов. М.: Наследие Евразии, 2009. С. 188–206.
- Малабу К. Преподавание философии во Франции: прошлое и будущее // Философские исследования. 1993. № 2.
- Матвеев С. Р. Свобода и порядок: либеральный консерватизм Франсуа Гизо. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019.
- Мейер Д., Роуэн Б. Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. 2011. № 1.
- Микешина Л. А. Эkleктика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 38. № 4. С. 27–43.
- Платон. Государство. М.: Академический проект, 2015.
- Реизов Б. Г. Французская романтическая историография. Л.: ЛГУ, 1956.
- Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М.: НЛО, 2008.
- Сулье Ш. Анатомия философского вкуса // Логос. 2014. № 3–4 (43). С. 123–170.
- Сэв Л. Современная французская философия: исторический очерк: от 1789 года до наших дней. М.: Прогресс, 1968.

- Фишер К. История новой философии. Т. 8: Гегель, его жизнь, сочинения и учение. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1933. Кн. 1.
- 6 octobre 1830. — Circulaire aux recteurs relative aux recommandations et adoptions des ouvrages de philosophie pour l'enseignement des collèges // Circulaires et instructions officielles relatives à l'instruction publique: publication entreprise par ordre de S. Exc. le Ministre de l'instruction publique et des cultes. T. 1. 1802–1830. P.: Delalain Frères; L'Université de France, 1863.
- Académie nationale des sciences arts et belles-lettres de Caen. Mémoires. Caen: Imprimerie caennaise, 1918.
- Barthélémy-Saint-Hilaire J. M. Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance. P.: Alcan; Hachette, 1895. T. 1.
- Bourgeois B. Hegel en France: le destin français des Principes de la philosophie du droit // Bourgeois B. Études hégéliennes. Raison et décision. P.: PUF, 1992.
- Chervel A. Histoire de l'agrégation. P.: Editions Kimé, 1993.
- Chervel A. Les agrégés de l'enseignement secondaire. Répertoire 1809–1960 // Ressources numériques en histoire de l'éducation. 2015. URL: http://rhe.ish-lyon.cnrs.fr/?q=agregsecondaire_laureats.
- Cousin V. Défense de l'Université et de la philosophie: discours prononcés à la Chambre des pairs. P.: Joubert, 1845.
- Cousin V. Des Pensées de Pascal: rapport à l'Académie française sur la nécessité d'une nouvelle édition de cet ouvrage. P.: Ladrangé, 1843.
- Cousin V. Du vrai, du beau et du bien. P.: Didier, 1853.
- Cousin V. Rapport adressé à M. le ministre de l'instruction publique et des cultes par le président du concours de l'agrégation de philosophie // Moniteur universel. Journal Officiel de la République Française. 1850. № 248 (5 septembre). P. 1–2.
- Cousin V. Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne. P.: Levrault, 1833.
- D'Hondt J. Hegel et l'hégélianisme. P.: PUF, 1991.
- D'Hondt J. Préface // Puisais É. La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870. P.: L'Harmattan, 2005.
- Debray R. Le Pouvoir intellectuel en France. P.: Folio, 1986.
- Derrida J. Du droit à la philosophie. P.: Galilée, 1990.
- Durkheim É. L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie // Revue Philosophique de la France et de l'Étranger. 1895. № 39. P. 121–147.
- Ferrari J. Les Philosophes salariés suivi de Idées sur la politique de Platon et d'Aristote et autres textes. P.: Payot, 1983 [1849].
- Gerbod P. La condition universitaire en France au XIXe siècle: étude d'un groupe socio-professionnel, professeurs et administrateurs de l'enseignement secondaire public de 1842 à 1880: thèse pour le doctorat ès lettres présentée à la Faculté des lettres et sciences. P.: PUF, 1965.
- Hegel G. W. F. Cours d'esthétique / C. Bénard (trad.). P.: Ladrangé, 1840–1852. T. 1–5.
- Hegel G. W. F. Esthétique, Manuscrit de Victor Cousin. P.: Vrin, 2005.
- Heine H. Oeuvres de Henri Heine. T. 6: De l'Allemagne, t. 2. P.: Renduel, 1835.
- Hypolite J. La "Phénoménologie" de Hegel et la pensée française contemporaine // Hypolite J. Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968. P.: PUF, 1991. T. 1.
- Janet P. Victor Cousin et son Œuvre philosophique III. La Disgrâce. Cousin et Hegel: Correspondance inédite // Revue des Deux Mondes. 1884. Vol. 61.

- König-Pralong C. Découverte et colonisation françaises de la philosophie médiévale (1730–1850) // *Revue des sciences philosophiques et théologiques*. 2012. Vol. 96. № 4. P. 663–701.
- Lamennais F. Œuvres posthumes de F. Lamennais publiées selon le vœu de l'auteur par E. D. Forgue. Correspondence: T. 2. P.: Paulin et le Chevalier, 1859.
- Landrin X. L'«éclectisme spiritualiste» au XIXe siècle: sociologie d'une philosophie transnationale // *Le commerce des idées philosophiques* / L. Pinto (dir.). Bel-lecombe-en-Bauges: Editions du Croquant, 2009.
- Macherey P. Les Débuts philosophiques de Victor Cousin // *Corpus*. 1991. № 18–19. P. 29–49.
- Nique C. François Guizot. L'École au service du gouvernement des esprits. P.: Hachette, 1999.
- Pessel A. Mission d'information et de réflexion sur l'agrégation de philosophie. Rapport à Monsieur le Ministre de l'éducation nationale, 2001.
- Puisais É. La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870. P.: L'Harmattan, 2005.
- Rémusat C. De la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques, précédé d'une introduction sur les doctrines de Kant, de Fichte, de Schelling et de Hegel. P.: Ladrang, 1845.
- Schelling F. W. J. Jugement de M. de Schelling sur la philosophie de M. Cousin / J. Willm (trad., préf.). P.; Strasbourg: F. G. Levrault, 1835.
- Schelling F. W. J. Nebst einer beurtheilenden Vorrede // Cousin V. Über französische und deutsche Philosophie. Stuttgart; Tübingen: Cotta'schen Buchhandlung, 1834.
- Schrift A. D. Effects of the Agrégation de Philosophie on Twentieth-Century French Philosophy // *Journal of the History of Philosophy*. 2008. Vol. 46. № 3.
- Taine H. Les philosophes français au XIX siècle. P.: Hachette, 1857.
- Thibaudet A. La république des professeurs. P.: Grasset, 1927.
- Wolff Ch. Anmerkungen zu den vernunfftigen Gedancken von GOTT, der Welt und der Seele des Menschen. Halle, 1720.

THE INSTITUTIONALIZATION OF PHILOSOPHY:
VICTOR COUSIN AND HEGEL'S LEGACY IN FRANCE

IVAN KURILOVICH. Senior Research Fellow, Centre for Phenomenological Philosophy, Faculty of Philosophy, ivankurilovich@gmail.com.
Russian State University for the Humanities (RSUH), 6 Miusskaya Sq.,
125047 Moscow, Russia.

Keywords: institutionalization; government regulation; aggregation in philosophy; history of France; education philosophy; Victor Cousin; Hegel studies; Hegelianism.

The article points out patterns in the institutionalization of philosophy during the first half of 19th century when French education was revamped by Victor Cousin and the school of eclecticism as part of the educational policy of the *doctrinaire* political faction. Cousin's public statements and correspondence stating his views about how to properly conduct education in philosophy and what obligations that education had toward the political forces of the 1830s and 1840s are interpreted in the context of the structure of the French educational system, changes in the socio-political situation, the lingering influence of Jesuit colleges after they had been banned in the 18th century, the continuity of the administrative and personnel structure of secondary and higher schools, and the Napoleonic reforms. The main focus of the article is on how institutionalization influenced the spread of Hegelian studies and Hegelianism in France and on the inertia in the system that was introduced to maintain the canon of works and figures selected for France's philosophers to study. The features of the French system of philosophical education that Cousin devised are analyzed, the role of the competitive *agrégation* in philosophy from the 19th to the 21st century is examined, and the advantages and problematic aspects of institutionalized philosophy are explained.

The immediate conclusion reached is that Cousin's educational policy had a direct and long-lasting impact on the development of Hegel studies and Hegelianism in France from the middle of the 19th century through the first third of the 20th century. That impact came in the form of a wide-ranging abandonment of translating, studying and teaching certain material, and the German idealist's legacy was the most affected by it. The author also argues that this example reveals more than the role played by a person who pursued well-intentioned goals under particular circumstances with considerable success, although that success came at a cost for the study of the history of philosophy. The example illustrates how the outcome of philosophical studies depends on the institutional arrangement for training and selecting qualified consumers and producers of philosophical knowledge, and this brings up the question of the meta-position of philosophy.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-6-145-168

References

- 6 octobre 1830. — Circulaire aux recteurs relative aux recommandations et adoptions des ouvrages de philosophie pour l'enseignement des collèges. *Circulaires et instructions officielles relatives à l'instruction publique: publication entreprise par ordre de S. Exc. le Ministre de l'instruction publique et des cultes. T. 1. 1802-1830*, Paris, Delalain Frères; L'Université de France, 1863.
- Académie nationale des sciences arts et belles-lettres de Caen. Mémoires*. Caen, Imprimerie caennaise, 1918.

- Barthélémy-Saint-Hilaire J. M. *Victor Cousin, sa Vie et sa Correspondance*, Paris, Alcan, Hachette, 1895, tome 1.
- Benda J. *Predatel'stvo intelektualov* [La Trahison des Clercs], Moscow, IRISEN, Mysl', Sotsium, 2009.
- Bourgeois B. Hegel en France: le destin français des Principes de la philosophie du droit. *Études hégéliennes. Raison et décision*, Paris, PUF, 1992.
- Chervel A. Histoire de l'agrégation, Paris, Editions Kimé, 1993.
- Chervel A. Les agrégés de l'enseignement secondaire. Répertoire 1809–1960. *Res-sources numériques en histoire de l'éducation*, 2015. Available at: http://rhe.ish-lyon.cnrs.fr/?q=agregsecondaire_laureats.
- Cousin V. *Défense de l'Université et de la philosophie: discours prononcés à la Cham-bre des pairs*, Paris, Joubert, 1845.
- Cousin V. *Des Pensées de Pascal: rapport à l'Académie française sur la nécessité d'une nouvelle édition de cet ouvrage*, Paris, Ladrangé, 1843.
- Cousin V. *Du vrai, du beau et du bien*, Paris, Didier, 1853.
- Cousin V. Rapport adressé à M. le ministre de l'instruction publique et des cultes par le président du concours de l'agrégation de philosophie. *Moniteur universel. Journal Officiel de la République Française*. 1850. № 248 (5 septembre). P. 1–33.
- Cousin V. *Rapport sur l'état de l'instruction publique dans quelques pays de l'Allemagne*, Paris, Levrault, 1833.
- D'Hondt J. *Hegel et l'hégélianisme*, Paris, PUF, 1991.
- D'Hondt J. Préface. In: Puisais É. *La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870*, Paris, L'Harmattan, 2005.
- Debray R. *Le Pouvoir intellectuel en France*, Paris, Folio, 1986.
- Derrida J. *Du droit à la philosophie*, Paris, Galilée, 1990.
- Derrida J. *Universitet glazami ego pitomtsev* [University in the Eyes of His Nurse Childs]. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2003, no. 6, pp. 96–103.
- Diderot D. Eklektizm [Eclectisme]. *Filosofia v "Entsiklopedii" Didro i Dalambéra* [Philosophy in Diderot and D'Alambert's Encyclopedia], Moscow, Nauka, 1994.
- Durkheim É. L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie. *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*, 1895, no. 39, pp. 121–147.
- Ferrari J. *Les Philosophes salariés suivi de Idées sur la politique de Platon et d'Aristote et autres textes*, Paris, Payot, 1983 [1849].
- Fischer K. *Istoriia novoi filosofii. T. 8: Gegel', ego zhizn', sochineniia i uchenie* [History of New Philosophy, vol. 8: Hegel, His Life, Works and Doctrine], Mos-cow, Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1933. Kn. 1.
- Geine v vospominaniakh sovremennikov* [Heine in the Memoriam of Contemporaries] (ed. A. Dmitriev), Moscow, Khudozhestvennaia literatura, 1988.
- Gerbod P. La condition universitaire en France au XIXe siècle: étude d'un groupe socio-professionnel, professeurs et administrateurs de l'enseignement sec-ondaire public de 1842 à 1880: thèse pour le doctorat ès lettres présentée à la Faculté des lettres et sciences, Paris, PUF, 1965.
- Gromov R. *Filosofia kak ob'ekt pravovogo regulirovaniia: Puti professionalizat-sii filosofskogo obrazovaniia v SSSR* [Philosophy as an Object of Legal Reg-ulation. Paths of Professionalisation of Philosophical Education in USSR]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 2 (98), pp. 43–64.
- Hegel G. W. F. *Cours d'esthétique*, Paris, Ladrangé, 1840–1852. T. 1–5.

- Hegel G. W. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk, vol. 3: Filosofia dukha*, Moscow, Mysl', 1977.
- Hegel G. W. F. *Esthétique, Manuscrit de Victor Cousin*, Paris, Vrin, 2005.
- Hegel G. W. F. *Raboty raznykh let* [Works of Various Years], Moscow, Mysl', 1971, vol. 2.
- Heine H. *Oeuvres de Henri Heine. T. 6: De l'Allemagne, t. 2*, Paris, Renduel, 1835.
- Husserl E. *Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naia fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskuiu filosofiiu* [Die Krisis Der Europäischen Wissenschaften und die Transzendente Phänomenologie], Saint Petersburg, Vladimir Dal', 2004.
- Hyppolite J. La "Phénoménologie" de Hegel et la pensée française contemporaine. *Figures de la pensée philosophique. Écrits 1931–1968*, Paris, PUF, 1991, t. 1.
- Janet P. Victor Cousin et son Œuvre philosophique III. La Disgrâce. Cousin et Hegel: Correspondance inédite. *Revue des Deux Mondes*, 1884, vol. 61.
- König-Pralong C. Découverte et colonisation françaises de la philosophie médiévale (1730–1850). *Revue des sciences philosophiques et théologiques*, 2012, vol. 96, no. 4, pp. 663–701.
- Kozlov S. *Implantatsiia: Ocherki genealogii istoriko-filologicheskogo znaniia vo Frantsii* [Implantation: Sketches of Genealogy of Historico-Philological Knowledges in France], Moscow, New Literary Observer, 2020.
- Krupnin G. N. *Filosofia Khr. Vol'fa v kontekste teoreticheskoi problematiki Novogo vremeni* [Philosophy of Ch. Wolff in the Context of Early Modern Theoretical Problematic]. *Filosofskii vek. Al'manakh. Vyp. 3: Khristian Vol'f i russkoe vol'fianstvo* [Philosophical Age. Almanac. Iss. 3: Christian Wolff and Russian Wolffism], Saint Petersburg, Sankt-Peterburgskii tsentr istorii idei, 1998.
- Kurennoi V. A. *Nemetskie mandariny: kriticheskie zametki* [German Mandarines: Critical Remarks]. *Politicheskaiia kontseptologiya* [Political Conceptology], 2010, no. 2, pp. 224–237.
- Kurennoi V. *Filosofia i instituty: sluchai fenomenologii* [Philosophy and Institutions: a Case of Phenomenology]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2002, no. 5–6 (35).
- Kurilovich I. S. *Viktor Kuzen v razvitii gegelevedeniia vo Frantsii* [Victor Cousin in the Development of Hegel Studies in France]. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2016, no. 9, pp. 35–48.
- Kustarev A. *Maks Veber* [Max Weber]. *Mysliashchaia Rossiia: istoriia i teoriia intelligentsii i intellektualov* [Thinking Russia: History and Theory of Intelligentsia and Intellectuals], Moscow, Nasledie Evrazii, 2009, pp. 188–206.
- Lamennais F. *Œuvres posthumes de F. Lamennais publiées selon le voeu de l'auteur par E. D. Forgue. Correspondence: T. 2*, Paris, Paulin et le Chevalier, 1859.
- Landrin X. *L'éclectisme spiritualiste au XIXe siècle: sociologie d'une philosophie transnationale. Le commerce des idées philosophiques* (dir. L. Pinto), Bellecombe-en-Bauges: Editions du Croquant, 2009.
- Macherey P. *Les Débuts philosophiques de Victor Cousin. Corpus*, 1991, no. 18–19, pp. 29–49.
- Malabou K. *Prepodavanie filosofii vo Frantsii: proshloe i budushchee* [Philosophical Education in France: Past and Future]. *Filosofskie issledovaniia* [Philosophical Studies], 1993, no. 2.
- Matveev S. R. *Svoboda i poriadok: liberal'nyi konservatizm Fransua Gizo* [Liberty and Order: Liberal Conservatism of François Guizot], Moscow, HSE, 2019.

- Meyer J., Rowan B. Institutionalizirovannye organizatsii: formal'naiia struktura kak mif i tseremonial [Institutionalised Organisations: Formal Structure as a Myth and a Ceremonia]. *Ekonomicheskaiia sotsiologiia* [Economical Sociology], 2011, no. 1, pp. 44–67.
- Mikeshina L. A. Eklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti filosofskogo znaniia [Eclectics and Syncretism: To the Question of Systematicity of Philosophical Knowledge]. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2013, vol. 38, no. 4, pp. 27–43.
- Nique C. *François Guizot. L'École au service du gouvernement des esprits*, Paris, Hachette, 1999.
- Plato. *Gosudarstvo* [The Republic], Moscow, Akademicheskii proekt, 2015.
- Puisais É. *La naissance de l'hégélianisme français, 1830–1870*, Paris, L'Harmattan, 2005.
- Reizov B. G. *Frantsuzskaia romanticheskaiia istoriografiia* [French Romantic Historiography], Leningrad, LGU, 1956.
- Rémusat C. *De la philosophie allemande: rapport à l'Académie des sciences morales et politiques, précédé d'une introduction sur les doctrines de Kant, de Fichte, de Schelling et de Hegel*, Paris, Ladrance, 1845.
- Ringer F. *Zakat nemetskikh mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933* [The Decline of German Mandarines: The German Academic Community, 1890–1933], Moscow, New Literary Observer, 2008.
- Schelling F. W. J. Jugement de M. de Schelling sur la philosophie de M. Cousin (trad., préf. J. Willm), Paris, Strasbourg, F. G. Levrault, 1835.
- Schelling F. W. J. Nebst einer beurtheilenden Vorrede. In: Cousin V. *Über französische und deutsche Philosophie*. Stuttgart, Tübingen, Cotta'schen Buchhandlung, 1834.
- Schrift A. D. Effects of the Agrégation de Philosophie on Twentieth-Century French Philosophy. *Journal of the History of Philosophy*, 2008, vol. 46, no. 3.
- Sève L. *Sovremennaia frantsuzskaia filosofiia: istoricheskii ocherk: ot 1789 goda do nashikh dnei* [La Philosophe Française Contemporaine et sa genèse de 1789 à nos jours], Moscow, Progress, 1968.
- Soulié Ch. Anatomiiia filosofskogo vkusa [Anatomie du goût philosophique]. *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2014, no. 3–4 (43), pp. 123–170.
- Taine H. *Les philosophes français au XIX siècle*, Paris, Hachette, 1857.
- Thibaudet A. *La république des professeurs*, Paris, Grasset, 1927.
- Wolf Ch. *Anmerckungen zu den vernunftigen Gedancken von GOTT, der Welt und der Seele des Menschen*. Halle, 1720.